

Валдемар Люфт

Пена солёного моря

Телефонный звонок прозвенел, когда я уже лежал в постели и перелистывал журнал. Трубку сняла жена. Она принесла телефон в спальню и на мой вопросительный взгляд только пожала плечами.

— Алло, — проговорил я в трубку.

— Эдик, это я, Роберт Майер.

— Привет. Как дела?

— Не очень хорошо... Нам нужна твоя помощь. Можно, мы приедем к тебе завтра?

— Я работаю до шести часов вечера.

Приезжай в семь.

— Хорошо. Завтра в семь будем.

Он положил трубку.

— Кто это был? — спросила жена, которая уже успела переодеться в пижаму.

— Роберт Майер, мой троюродный брат.

Что-то, наверное, серьёзное заставило его звонить мне. Мы не были друзьями и как родственники тоже особенно не роднились. Он старше меня. Когда после армии он женился, я ходил ещё в начальный класс. Я слышал, что он работал где-то большим начальником и часто помогал родственникам устроить их детей то в

институт, то на хорошую работу. В Германию он переехал позже меня, и я толком не знал, где он живёт.

На следующий вечер, сразу после того, как я принял душ и поужинал, зазвенел звонок входной двери. Я открыл, и в квартиру вошли мужчина и женщина. Роберта я узнал. Ему было уже за сорок. Виски серебрились сединой. В памяти моей он остался высоким, мускулистым и весёлым человеком. Теперь же он оказался среднего роста, толстый живот делал его фигуру непропорциональной, и на лице остался отпечаток вечной озабоченности. Его жену я не знал. Я помню, что на свадьбе возле Роберта сидела кудрявая красивая невеста, но сейчас в этой женщине ту невесту я не узнавал. Женщина была полной. На круглом полнощёком лице совсем не к месту сидел маленький нос, глаза навывкате были красными от слёз. В целом, она была симпатичной и вызывала приятное чувство домашнего уюта. Мы обнялись. Жена, не знавшая их, ушла на кухню, а мы прошли в зал. Женщина, сев в кресло, тут же неслышно заплакала, вытатила платочек и стала промокать слёзы. Я вопросительно смотрел на Роберта. Сцена была тягостной, и мне хотелось как можно быстрее перейти к делу.

— Что случилось, Роберт?

— Наша дочь пропала. Больше двух недель от

неё ни слуха, ни духа. Она у нас, вообще-то, домашняя. Ещё не было такого, чтобы уезжала и не говорила, куда и на какое время.

— Почему в полицию не заявили?

— Сразу на третий день заявили. Заявление приняли, но никто, по-моему, не собирается её искать. Я был в пятницу в полиции. Мне сказали, что моя дочь уже совершеннолетняя и вправе жить там, где она хочет.

— Формально, они правы. Но выяснить, где ваша дочь, могли бы.

— Мы получили открытку от Нели. Я, по глупости, показал её в полиции. Это была моя ошибка.

— Действительно, если дочь прислала открытку, тогда всё в порядке. Откуда она её прислала?

— Из Хорватии.

Он достал из нагрудного кармана открытку и протянул мне. Пришла из кухни жена и пригласила нас к чаю. За столом я прочел открытку. Текст был самый обычный: *«Мама и папа. Са мной всё в парядки. Атдыхаю на биригу моря. Пагода прикрасная. Привет всем, всем. Неля».*

— Сколько ей лет? — спросил я.

— В этом году исполнилось восемнадцать.

— Скорее всего, всё в порядке. Зачем волноваться. Отдохнёт на море и приедет.

— Тебе ничего не показалось странным в открытке?

— Нет, — ответил я и ещё раз пробежал глазами текст. — Ошибок только много.

— Вот это и странно, — вмешалась жена Роберта. — Она была отличницей. Её сочинения были лучшими в школе. Она делала эти ошибки специально, чтобы дать нам понять, что находится в опасности. Может быть, она и поехала сама к морю, но там что-то случилось. В открытке ни обратного адреса, ни номера телефона и сама не звонит. Этого она себе никогда не позволяла. Всё это так подозрительно. Я сердцем чувствую, что моя дочь в опасности.

Женщина опять беззвучно заплакала. Роберт умоляюще смотрел на меня. Видимо, он ждал от меня какой-нибудь реакции, но я не знал, чем мог бы ему помочь. Ситуация была непонятная. Напротив меня за столом сидели, в сущности, чужие для меня люди и надеялись, что я со своим образованием юриста и опытом работы частного детектива решу их проблему. Если б они только знали, что мне подсказывает сейчас мой опыт — он подсказывал мне: «Не ввязывайся в это дело, Эдик. Пусть этим занимается полиция». Но я не послушался внутреннего голоса. Мне было жаль эту плачущую женщину, и я сказал:

— Хорошо. У меня в понедельник отгул на

работе и я приеду к вам утром.

Я записал их адрес. Мы допили чай, обмениваясь короткими незначительными фразами, и распрощались.

Понедельник был хмурым и холодным. Обещанное прогнозом погоды тепло не пришло. С неба моросил дождь, и щётки суетливо работали, счищая со стекла потоки воды. За полтора часа я добрался до города, где жил Роберт. Его улицу нашел быстро. Роберт по-прежнему был озабочен, а его жена, наверное, с того времени, как мы расстались, не прекращала плакать. Её глаза были всё такие же опухшие и красные. В глубине души я надеялся, что за эти два дня их дочь вернётся домой и моя помощь им не понадобится.

Сначала мы поехали с Робертом в полицию. Полицейский, принявший нас, отвечал на вопросы коротко и с нетерпением, явно давая понять, что ему некогда. Когда я спросил, почему он не послал запрос о пропавшей девушке в полицию Хорватии, он засмеялся и, вытащив из тоненькой папочки копию открытки, сказал:

— Куда запрос посылать? На этой открытке ни адреса, ни телефона. И нужно ли вообще её искать?! Взрослая девушка уехала со своим другом отдыхать. Зачем вся эта паника?!

Я взял у него копию открытки и карандашом подчеркнул ошибки в тексте.

— Эти ошибки сделаны специально, чтобы дать понять родителям, что с ней что-то случилось. Она просит помощи.

— Девушка, наверное, торопилась, когда писала открытку. — Он снова положил открытку в папочку. — Знаете, сколько таких заявлений мы получаем в летнее время? Нам не хватит персонала на всё реагировать. И, как правило, все заявления оказываются несостоятельными. А насчёт ошибок, так, может быть, она уже забыла русский язык.

Полицейский встал со стула, давая нам понять, что разговор окончен. Я уже хотел уходить, когда полицейский сказал фразу, которая меня насторожила.

— Эта девушка у нас на учёте, как наркоманка. Её дважды задерживали, когда она продавала в дискотеке экстази. Поспрашивайте у её друзей, они, наверное, точно знают, с кем и куда она уехала.

Роберт об этом ничего не говорил. Во мне росло раздражение. Я тоже склонялся к тому, что ничего, в сущности, не случилось и заявление в полицию только лишняя паника. Разбалованная девушка устала от повседневного контроля и, как только ей исполнилось 18 лет, рванула из родного дома, куда глаза глядят.

— Почему ты мне ничего не сказал, что Неля принимает наркотики? — спросил я Роберта, когда

мы вышли из здания полиции.

Он отвёл глаза. Лицо его покраснело.

— Какая разница, колется или нет. Она всегда приходила ночевать домой. Конечно, мы ругались с нею, но не до такой степени, чтобы Неля из-за этого из дома уходила. Она согласилась на лечение и через месяц должна быть в наркологической клинике.

— Ты знаешь, с кем твоя дочь дружила? Был у неё постоянный друг?

— Она встречалась с одним югославом. Звать Милош. Я видел его дважды. У Нели в комнате есть его фотография.

Мы поехали к Роберту домой. Время приближалось к обеду. Из кухни пахло чем-то вкусным. Последняя дверь в коридоре вела в комнату девушки. Комната была узкой и длинной. Модный диван был заправлен пледом, и толстая подушка в цветной наволочке косо лежала в его изголовье. Напротив дивана стоял комод, и над ним висело зеркало. Комод был уставлен духами и баночками из под вазелина, и в чёрной шкатулке лежали дешёвые украшения. Ближе к окну стоял высокий торшер и вдоль стены — двухдверный шкаф и стол. На стуле небрежно висела одежда. Над столом на двух полках лежало несколько фотоальбомов, стояли статуэтки русалки с распущенными волосами и клоуна, играющего на

гармошке и несколько компактных дисков. Вся мебель была из светлого дерева и делала маленькую комнату объёмной и уютной. Я взял альбомы с полки, сел к столу и стал рассматривать фотографии.

В двух альбомах ничего особенного не было. Фотографии почти все чёрно-белые и на них было запечатлено детство, школьные годы и время каникул в Казахстане. Только в третьем альбоме начались фотографии, которые были сняты здесь в Германии. Счастливая семья стоит у здания аэропорта. Рядом куча сумок и чемоданов. Все одеты в кожаные куртки. У Роберта на голове ондатровая шапка. Фотография Нели и нескольких молодых парней у входа в какое-то здание. Скорее всего, это временный лагерь. На первых фотографиях девушка выглядит счастливой и беззаботной. Прямой нос, выразительная ямочка на подбородке, чуть припухшая нижняя губа, ясные коричневые глаза. Одета она не броско, простенько, но со вкусом и лицом кого-то напоминала. Потом пошли фотографии, где она стоит или у какой-нибудь машины, или в окружении молодых парней, или у шашлычного мангала. Постепенно менялась одежда девушки и выражение её лица. На последних фотографиях она была уже одета вызывающе откровенно. До предела короткие юбочки, открытый живот с серьгой на пупе,

глубокий вырез на груди. Смотрела она в объектив устало, как женщина, познавшая жизнь и разочаровавшаяся в ней. На нескольких фотографиях она была снята с человеком, который выглядел старше её. На его смуглом лице сидели большие тёмные глаза, смотревшие уверенно и с вызовом, горбатый нос опускался к тонким губам, на квадратном подбородке торчала узкая бородка. Я показал фотографию Роберту, который всё это время сидел на боковой спинке дивана позади меня.

— Это её друг?

— Да, это Милош.

Я взял две фотографии, на одной из которых Неля и Милош были сняты в полроста, а на второй они стояли в полный рост у какого-то фонтана, и положил их в нагрудный карман рубахи.

— Где живёт Милош? — спросил я у Роберта.

— Точно не знаю, но его друг живёт в соседнем подъезде.

— Он сейчас дома?

— Не могу сказать.

— Пойдём, покажешь, где он живёт.

Мы вышли в коридор и стали обуваться.

— Куда вы? У меня обед готов, — забеспокоилась хозяйка.

— Мы скоро придём, — ответил Роберт.

В соседнем подъезде поднялись на второй этаж и позвонили в дверь. Нам долго не открывали,

но когда мы уже собрались уходить, дверь отворилась, и молодой мужчина лет двадцати пяти заспанным голосом грубо спросил:

— Чё надо?

— Толик, это я, дядя Роберт.

Это имя, видимо, ничего молодому человеку не сказало. Или от вчерашнего перепоя, или до конца не проснувшись, он с тоской смотрел на нас и, похоже, мечтал в этот момент только об одном: чтобы его как можно скорее оставили в покое. Одна прядь длинных невымытых волос свешивалась на его левый глаз и мешала ему нас разглядеть. Но ему и не хотелось нас видеть. Ему хотелось покоя.

— Анатолий, ты знаешь, где живёт твой друг Милош? — взял я инициативу в свои руки.

Он безразлично посмотрел на меня и сквозь зубы нехотя сказал:

— Какой он мне друг?! Козёл он!

— Ладно, он тебе не друг, но адрес его хотя бы знаешь?

— Да пошёл ты... Чё ты до меня докопался?

Я схватил его за свисающуюся прядь волос, резко рванул на себя и другой рукой потянул за ручку двери. Его шея оказалась зажатой между дверью и косяком. Он окончательно проснулся, руки панически шарили по двери, но поняв, что сопротивление приносит только больше боли, успокоился.

— Пустите, мне же больно, — стал он вдруг говорить на «Вы». — Милош живёт на Горной улице, у сестры. Это четырехквартирный дом. Рядом парикмахерская.

— Как его фамилия?

Он назвал фамилию. Я отпустил дверь и толкнул Толика в квартиру. Когда спускались по лестнице, вслед понеслись проклятия, но я не обращал на это внимания, и с удовольствием думал о том, что через пару часов в том месте, где дверь врезалась своим острым кантом в шейную вену, расплывётся хороший синяк.

На улице прояснилось. Выглянуло солнце и сразу стало душно. Асфальт быстро высох, и воздух стал наполняться запахом битума, выхлопных газов и мусорных контейнеров. У Роберта на кухне стол уже был накрыт. Я с удовольствием поел. Когда после еды Роберт вышел из кухни, его жена положила свою ладонь на мою руку и дрожащим голосом сказала:

— Неля хорошая девочка. Она растерялась немного, когда попала в незнакомую обстановку. Знаете, как бывает у молодых людей. Они строят себе планы, верят наивно во что-то необыкновенное, и когда сталкиваются с реальной жизнью, не всякий переносит это безболезненно. Мы, взрослые, тоже идеалисты. Ведь и мы жизнь здесь, на западе, представляли себе совсем

по-другому. Наверное, не надо было ругаться с ней, а попытаться понять её. Помоги нам, Эдик. Она делает вид, что крепкая, но на самом деле она слабая девочка и если ей не помочь вылезти из этого болота, то она пропадёт.

Женщина убрала свою ладонь с моей руки и заплакала.

После обеда мы поехали на Горную улицу. Найти четырёхквартирный дом возле парикмахерской не составило труда. Я надавил на кнопку, под которой стояла фамилия Милоша. Мягкий приятный голос тут же отозвался на звонок. Роберт назвал свою фамилию, сказал, что он отец Нели и нас впустили в дом. На лестничной площадке второго этажа ждала симпатичная женщина. Она была похожа на своего брата. Черты лица были мягче и нос был не настолько горбат, но губы и глаза выдавали их близкое родство. Мы прошли через открытую дверь в квартиру. Женщина провела нас в зал, показала рукой на диван и сама села в кресло напротив. Я спросил её, где мы могли бы найти Милоша.

— Он уже две недели, как дома не ночевал, может, у своих друзей в гостях, — ответила женщина.

— Неля с ним? — спросил Роберт.

— Вы её отец? — в свою очередь спросила женщина.

— Да.

— Вы знаете, что ваша дочь принимает наркотики? — спросила женщина.

В её голосе чувствовалось раздражение и беспокойство.

— Я знаю всё, — ответил Роберт и снова его лицо покраснело. — Речь же не об этом.

— Она была здесь с Милошем. Мне кажется, что у него из-за неё какие-то неприятности. Куда они собирались, брат мне не сказал.

— Может быть, он находится в Хорватии? — вмешался я в разговор. — Можете его адрес назвать?

— Он мне не говорил, куда поехал, — с заметным недоверием ответила женщина. — Мне кажется, он чего-то боялся.

— Мне вы можете доверять. Я родственник Роберта. Родители Нели подали заявление в полицию о пропаже своей дочери. Вы же не хотите, чтобы у Милоша из-за этого были неприятности с полицией.

Женщина пристально посмотрела на меня, видимо, что-то обдумывая, и сказала:

— Когда умер наш отец, мы продали свой дом в Хорватии. У Милоша друзья в Скриквенице. Это недалеко от Рьеки, на берегу моря. Если он действительно уехал в Хорватию, то может находиться только там. Точного адреса я не знаю.

Он мне, как уехал, тоже не звонил. О нём можно ещё спросить в деревне П. Там у нас жил дядя. Он умер лет пять назад. Детей у него не было, поэтому он переписал дом на меня и Милоша. Дома уже нет. Развалился. А земля принадлежит нам. Я знаю, что у брата в последнее время были проблемы с какими-то долгами. Он хотел продать этот участок в деревне, и рассчитаться с долгами. Это всё, что я могу вам сказать.

Я понял, что большего здесь узнать мы не сможем, и встал с дивана. У выхода из квартиры женщина придержала меня за рукав.

— На прошлой неделе меня остановили на улице два югослава. Они тоже спрашивали, где Милош. Оба из этих типов, как в кино показывают. В тёмных очках, прилизанные причёски, в чёрных костюмах и наглыми мордами. Я им сказала, что Милош от своей фирмы где-то в командировке. Милош обычно звонит, если он в командировке или у кого-нибудь из друзей остаётся. А в этот раз подозрительно долго молчит. На него это не похоже. Эти двое сказали, что ещё раз придут. Я не знаю, что Милош натворил, но так просто он никогда не исчезал. Я всегда знала, куда он уезжает. А сейчас что-то непонятно. Я боюсь.

Она держала мою руку и с какой-то надеждой смотрела на меня, ожидая от меня реакции. Но я не знал, что ей ответить и сказал:

— Досвидания. Если мы что-нибудь узнаем, сразу сообщим вам.

На улице Роберт грубо заматерился.

— Нужно каждому мне намазывать на хлеб, что моя дочь наркоманка?!

Он остановился, опёрся рукой на выступ дома, другой рукой закрыл лицо и, подрагивая плечами, простоял пару минут.

Время быстро катилось к вечеру, и мне нужно было решать: то ли я еду домой, то ли я остаюсь и продолжаю копать дальше. Но где копать и как копать, признаюсь, не знал.

У Роберта дома я позвонил сначала жене и сказал, что останусь здесь ночевать. После этого позвонил своему шефу на работу. Он был на месте. Я попросил его дать мне ещё один день отгула.

Оставив Роберта дома, я снова поехал в полицию. Прежнего полицейского не было и мне пришлось долго ждать, пока не нашёлся кто-нибудь, кто мог бы ответить на мои вопросы. В этот раз меня принял молодой полицейский.

— Герд Киплинг, — вежливо представился он.

Он со вниманием выслушал меня, нашёл тонкую папочку с заявлением о пропаже девушки и копией открытки от неё. Я показал ему фотографию Милоша и рассказал о разговоре с его сестрой.

— Я могу послать факс в Рьекю и попросить

разыскать Милоша. Это всё, что можно для вас сейчас сделать.

Полицейский минут пять что-то искал в компьютере и сказал:

— На него у нас ничего нет. Подождём, что ответят из Хорватии.

С этим полицейским было приятно разговаривать. Он был моего возраста, не торопился закончить разговор, внимательно, не перебивая, слушал. В конце разговора мы обменялись впечатлениями о последнем матче сборной Германии по футболу, о растущих ценах на бензин, о последней марке Фолксвагена и о многом другом, что было несущественно и о чём после разговора, как правило, сразу забываешь. Он дал мне свой служебный номер телефона и предложил звонить, если будут вопросы.

Когда я вышел из полицейского здания, было уже пять часов. Наступил час пик. По дорогам сплошным потоком неслись машины. Уставшие от дневной суеты и тяжёлой работы водители тупо смотрели вперёд, механически фиксируя цвет светофора, тормозные огни и мигание поворотных фонарей. Лица их были угрюмы и сосредоточены и похожи они были больше на роботов. Выхлопные газы проникали в легкие, вытравливая оттуда последние остатки кислорода. Мне хотелось вырваться из тисков этого вечного двигателя и я,

вписавшись в нескончаемый поток машин, поехал на выезд из города. Проехав бесцельно почти десять километров, я свернул на незнакомую просёлочную дорогу и снова ехал до тех пор, пока не оказался на краю леса. Здесь стояли полусгнившая скамейка и стол. Напротив леса простиралось поле, и по нему шёл трактор с навешенной косилкой. Тракторист подпрыгивал на сиденье, трава ровно ложилась за косилкой, и стая воробьев торопились выловить из травы потревоженных насекомых. Воздух был чист, и мне хотелось вдыхать его бесконечно. Очистив от мусора скамейку, я присел на неё. Из леса тянуло прохладой. За полем начинался другой лесок, и солнце в той стороне уже касалось своим нижним рандом верхушек высоких сосен. Щебетанье птиц, приглушенное урчание тракторного мотора, тепло солнечных лучей, запах прелых листьев из леса смешанный с запахом скошенной травы, приносило успокоение. Забылся шумный город, ушли тревожные мысли, мозг лениво работал, ни на чём конкретно не останавливаясь, и я, по-видимому, впал в дремоту.

Прошёл час. Трактор уехал. Солнце совсем ушло за деревья. Птицы улетели. Ветерок успокоился. Над землёй стлался лёгкий туман. Мне стало холодно. Я поднялся со скамейки, прошёл к машине, сел за руль и неторопливо поехал в город.

Встречные машины ехали с включенными фарами. В городе уже мигали рекламные огни. Машин стало меньше, и дышать стало легче.

Меня уже ждали. Роберт с женой ещё не ужинали, и когда я вошёл в двери, все сразу прошли на кухню. Здесь пахло прогорелым маслом и жареной рыбой. После свежего воздуха за городом во мне разыгрался аппетит, и я с удовольствием поел. Хозяйка готовила вкусно, и я подумал, что неспроста у Роберта вырос такой живот.

— Где обычно проводила вечера ваша дочь? — спросил я Роберта.

— В пятницу и субботу на дискотеке. Здесь в пригороде. А в будние дни, если тепло, на заправочной станции «Арал». Это тут недалеко, на следующей улице. Есть ещё кафе-бильярдная, — он назвал кафе, сделал короткую паузу и продолжил. — Это недалеко от центра. Местные туда не заглядывают. Хозяин — югослав, и клиенты в основном его земляки, турки и наши переселенцы. Там, по-моему, и наркотики продают. Когда Неля только начала по ночам поздно приходить, я искал её. Дважды из этого кафе забирал. Потом она мне поставила ультиматум: или я прекращу её по ночам разыскивать, или она уйдёт из дома. Я уже тогда начал догадываться, что с ней что-то не в порядке.

Он замолчал, поднялся из-за стола, достал из холодильника дорогой коньяк, из шкафа два

стаканчика и плеснул в них из бутылки по полста грамм. Я не стал отказываться. Мы выпили.

— Как ты узнал, что она принимает наркотики?

— Как-то друзья привели её после дискотеки в невменяемом состоянии. Жена скорую вызвала. Санитар нам сказал, что у неё шок от передозировки. Тогда она неделю в больнице пролежала. Ей сделали промывание, но через неделю она опять начала колотиться.

Мы снова выпили. Кровь, разбавленная алкоголем, разносила по телу успокоительную слабость и мысли в голове приобрели какую-то необъяснимую ясность. Роберт отсутствующе смотрел в окно, где уже было темно. Он повернулся ко мне.

— Там Неля закончила девять классов. Она мечтала учиться в институте. Здесь же всё пошло наперекосяк. Её посадили снова в девятый класс. Немецкий она знала плохо. Желание учиться сразу отбили. Она чуть ли не каждый день после школы приходила домой в слезах. Девятый она закончила, а в десятом только два месяца просидела и бросила. С помощью молодёжной организации устроили её в профессиональную школу на первый подготовительный год. Но она уже не хотела учиться... Завидую тем, кто приехал сюда с маленькими детьми. У них таких проблем не

возникает.

— Почему у вас только одна дочь?

— Моя жена года два не могла забеременеть. А когда Нелю родила, неожиданно месяца через три снова забеременела. Решила аборт сделать. У неё открылось сильное кровотечение. Её оперировали, и после этого она уже не могла иметь детей.

Бутылка постепенно опустела. От обилия выпитого прежняя ясность мысли исчезла. Алкоголь теперь не успокаивал, а заставлял усиленно пульсировать кровь, хаотично работать мозг, и язык стал тяжёлым. Я чувствовал себя пьяным, и мне хотелось выйти из этой теплой и душной кухни на улицу, на свежий воздух. Роберт был крепче меня. Он был почти трезв. Или мне это только казалось? Он спросил меня:

— Что же мне дальше делать? Как быть? Я боюсь за нашу дочь.

Я видел, что он был на грани нервного срыва. Мне хотелось быть добрым и что-нибудь сделать для него. Он стал мне вдруг особенно родным и близким. В таком состоянии я был, скорее всего, от количества выпитого.

— Хочешь, я возьму отпуск и поеду в Хорватию.

Этого мне не надо было говорить! Это было сказано необдуманно. А Роберт как будто ждал этих слов.

— Эдик, как хорошо, что ты сам об этом заговорил. Я уверен, что она с Милошем в этом городе, как его Скиреница или Сквореница. У меня есть деньги. Сколько тебе надо на дорогу? Скажи.

Всё! Теперь мне отступать было некуда. Я уже пожалел о своем скороспелом предложении, но мне было стыдно признаться, что я сказал эти слова под влиянием алкоголя. Если я сейчас же не встану из-за стола, то смогу наобещать ещё чёрт знает чего. Надо выйти на улицу.

— Пойду на улицу, — сказал я, тяжело двигая языком. — Насчёт поездки в Хорватию поговорим завтра.

Роберт разочарованно смотрел на меня. Я догадывался, о чём он сейчас думает. Наверное, он думал, что за болтун этот его родственник и можно ли вообще от такого чего-нибудь серьёзного ждать. На душе стало противно, и мне было стыдно смотреть ему в глаза.

— Может, мне пойти с тобой? — спросил Роберт.

— Извини, мне надо побыть одному.

Я вышел из квартиры. На улице светили фонари. Небо снова затянулось тучами. Было прохладно, но душно. Опять будет дождь. Пройдя по тротуару метров двести, я присел на скамейку в маленьком скверике. По дороге проехали две машины. Где-то звучала музыка. Прошёл мужчина

с собакой. Пёс остановился у фонарного столба, поднял правую лапу и стрельнул мочой в чугунное основание. Я просидел на скамейке минут двадцать. Через мозг проходили какие-то обрывки фраз, мельтешили непонятные картины. Мне захотелось домой, на уютный диван. Я закрыл глаза и задремал, но тут же проснулся, разбуженный шумом проезжавшей машины.

От свежего воздуха и ночной прохлады мне стало легче. Где-то за домами был слышен звук моторов, и над крышами стояло зарево реклам. Я пошёл в ту сторону. Здесь на центральной улице пульсировала жизнь. Машины и люди по-прежнему куда-то спешили. Настойчиво уговаривали зайти рекламы кафе и ресторанов. С большого плаката грудастая девка хвалилась нижним бельем. Страховая фирма обещала, чуть ли не бесплатно, обеспечить людям их старость. Гостиница светилась всеми своими окнами. У её порога стоял седой старик в зелёном костюме и чёрном цилиндре. Я вошёл в маленькое кафе и заказал кофе. Несколько столиков были заняты. Две старенькие, высохшие от времени бабушки шептались о чём-то в углу. Здоровенный африканец доедал салат. Молодая пара напротив меня заканчивали каждую фразу длинным поцелуем.

Кофе освежило и немного отрезвило. Выйдя из кафе, я пошёл вдоль улицы туда, где по моему

предположению должна быть заправка. И действительно, там, где дорога раздваивалась, был въезд на маленькую заправочную станцию. Ожидая очередную механическую жертву, стояла с разинутой пастью автомойка. Одна машина жадно глотала бензин из шланга, весело щелкал счетчик, и водитель с напряжением смотрел на быстро бегущие цифры. Здание кассы было ярко освещено. Кассир безучастно смотрел в окно, ожидая, когда клиент, напоив машину досыта, придёт рассчитывать. Двое молодых людей стояли у стационарного пылесоса и потягивали из банок дешёвое пиво. Им было лет по восемнадцать. Оба были одеты в потёртые джинсы, которые едва держались на бёдрах и, казалось, вот-вот спадут.

Я прошёл к двум стоявшим машинам. Изнутри на лобовых стеклах были приклеены бумажки с их ценой. Отсюда мне было хорошо видно то место, где стояли парни. Минут через десять на заправку завернул старенький, весь помятый «Опель». Из него выпорхнули две накрашенные девицы и молодой долговязый парень. «Опель» сразу уехал. Долговязый пошёл к кассе, а девицы присоединились к двум первым парням. Они сразу, как по команде, закурили. Одна из девушек была одета в брюки и плотный пуловер с длинными широкими рукавами. Вторая была в миниюбке и в кофточке, которая закрывала только

грудь. На ноздре, на ушах и в пупе у неё торчали тяжелые железные серьги. Долговязый принес пиво и тоже закурил. После каждой затяжки он долго выпускал дым из ноздрей и сплёвывал на изгиб толстого шланга пылесоса. Они о чём-то оживленно говорили. До меня долетали лишь обрывки фраз. Было трудно понять, на каком языке они говорят. Та, что была в миниюбке, после каждой сказанной фразы громко и хрипло смеялась, другая всё время молчала. Я подождал ещё немного и подошёл к ним.

— Привет.

На приветствие ответила только девушка в брюках, остальные с удивлением уставились на меня.

— Я ищу Нелю Майер. Кто-нибудь из вас знает, где её найти?

— Зачем она тебе? — спросила девушка в миниюбке. На сгибе руки вся её кожа была исколота шприцами. Она была худой, и через тонкую кожу можно было проследить движение крови по синим венкам.

— Я её родственник. Меня звать Эдик.

Никто из них не собирался называть себя.

— Были тут уже некоторые «родственнички», — с сарказмом проговорил долговязый, — всё пытались с неё долги получить.

— Так вы знаете её? А Милоша, её друга,

тоже знаете?

Никто мне не ответил. Я вытащил фотографию, на которой Неля стояла в полный рост с Милошем и протянул её долговязому. Тот не стал брать фото, а только мельком глянул на неё.

— Я его не знаю.

— Неля уже почти две недели как не появляется дома. Может быть, она здесь в городе? У кого она сейчас живёт?

— Слушай, старик, не много ли вопросов задаешь? — спросил один из парней с висящими джинсами. — Излишнее любопытство обычно к добру не приводит.

Он выдавливал слова из себя, длинно растягивая некоторые буквы, и от сознания своей значимости наполнялся гордостью. Скорее всего, он действительно ничего не знал. Долговязый же знал что-то, но говорить со мной не хотел.

Я вытащил у длинного из нагрудного кармана пачку сигарет, написал на ней номер телефона Роберта и снова втолкнул пачку в кармашек. Длинный всё время оставался спокойным, как будто это был не его карман рубахи и не его пачка сигарет.

— Если вы что-нибудь узнаете или услышите, то позвоните по этому телефону, — сказал я.

Они продолжали безразлично смотреть на меня, желая одного, чтобы этот незнакомый дядя

оставил их в покое. Только девушка в брюках с некоторым интересом смотрела на меня. Я пошёл к дороге. На тротуаре я остановился и стал ждать. Она появилась минут через пять. Пуловер красиво облегал её бюст, и брюки элегантно сидели на бёдрах. От света уличного фонаря цвет её симпатичного лица был бледно-голубым.

— Я училась с Нелей в одной группе в профессиональной школе, — без предисловия, заговорила девушка по-русски. — Она в последнее время брала наркотики в долг. Обычно за неё рассчитывался её друг. Но Милош две недели был в командировке, а Неля в это время как с цепи сорвалась. Ей надо было всё больше и больше наркоты. Те, кто давал их ей в долг, хотели, чтобы она свой долг отработала. Ну, ты знаешь как... А когда Милош приехал, он в первый же вечер подрался из-за неё в кафе. В общем, им обоим здесь в городе нельзя было оставаться. Неля как-то говорила мне, что она уедет с Милошем в Хорватию.

— Спасибо, девушка. Как тебя зовут?

— Неважно. Дай двадцать евро. Заправиться бы надо, — она засмеялась, и смех её был звонким и приятным.

Я вытащил из бумажника двадцатку, протянул девушке и, когда она брала деньги, придержал её руку и задрал рукав пуловера до локтя. На изгибе

локтя расплывались синяки и вдоль набухшей вены выстроились чуть видневшиеся точки от шприцов.

— Брось это. Есть много других удовольствий. И они намного дешевле.

Девушка раздраженно вырвала руку и торопливо пошла к заправке. «Идиот», — обозвал я сам себя и пошёл по тротуару вдоль улицы. У кафе, где пил кофе, остановил такси и назвал адрес.

Кафе, о котором говорил Роберт, стояло недалеко от центра. Можно было такси не брать. Это было двухэтажное здание. Большинство окон верхнего этажа были тёмными или тускло светились. Вход же был ярко освещён. За входной дверью находился квадратный коридор. Влево уходила узкая лестница на второй этаж. Справа были две туалетных двери, между ними висел сигаретный автомат. В самом кафе царил полумрак. Только бар был ярко освещён и бармен оживлённо говорил с женщиной непонятного возраста. Помещение было небольшим и вдоль стен стояло всего шесть столиков. В дальнем углу сидели трое турков и о чём-то негромко разговаривали. Прозрачная перегородка отделяла от бара ещё одну комнату, где, по всей вероятности, была бильярдная. Я сел на высокий стул у бара. Бармен тут же развернулся ко мне в ожидании моего заказа. Я не хотел ничего спиртного и заказал чашечку